Натужно взревев, Ан-24 с лёгкостью оторвался от взлётной полосы и, набирая скорость, устремился ввысь. За окнами иллюминаторов были видны лишь облака, которые были неотъемлемой частью острова. Всегда, в любое время года, над Сахалином нависали огромные полчища туч и облаков, которые будто привязанные, стояли над островом.

Наконец-то самолёт вынырнул из белой полосы, и в глаза пассажирам резко ударил солнечный свет. Люди зашевелились, кто-то достал книгу или собирался перекусить, а кто, закрыв глаза, уже безмятежно посапывал. Игорь Петрович Снитко сидел в откинутом кресле, нетерпеливо поглядывая, то на часы, то в окно иллюминатора.

Лететь до Хабаровска оставалось полтора часа, а там, на следующий день в обеденное время, у него билет на рейс до Минвод. Шесть лет он не был на материке – пора навестить родных. Жена его, Галина обещала приехать позже недельки на две. Игорь не стал дожидаться супругу, решил ехать один.

После двадцати пяти лет совместной жизни ему захотелось отдохнуть одному без семьи. Две взрослых дочери жили в Комсомольске-на-Амуре, а они с женой в посёлке нефтяников, недалеко от города Оха, что на севере Сахалина. Посёлок небольшой, рабочих человек триста, и каждый был у всех на виду. Игорь сразу после службы в армии уехал на Сахалин.

Вызов прислал сослуживец, и вот уже тридцать лет минуло с тех пор, о чем Игорь никогда не сожалел. Работал Петрович (так звали его в посёлке) бурильщиком в разведочном бурении.

Зарплата хорошая, тем более все северные надбавки – а это восемьдесят процентов к окладу, плюс тринадцатая. В общем, грех жаловаться. Отличная охота и великолепная рыбалка, в свободное время, сделали из Игоря настоящего северянина.

На работе Петровича уважали, а в бригаде побаивались его прямоты и умения осадить зарвавшегося. Высокого роста, чёрные как смоль волосы с начинающими седеть висками и лицо аскета придавали ему мужественность и привлекательность. Женщинам Петрович нравился. Частенько он ловил на себе косые взгляды поселковых особ. Мог остановиться, поговорить, но не более того. Слухи в посёлке распространялись со скоростью звука.

Даже маленький флирт мог вызвать в семье большой скандал. Петрович всячески сторонился этого, хотя не прочь был завести интрижку на стороне. Лишь год назад он невольно нарушил своё табу. Бурили они тогда на острове Гафовича, искали нефть или газ. Тогда-то и появилась на буровой новенькая лаборантка. Стройная, симпатичная с копной волос цвета соломы, Нина (так звали девушку) оказалась землячкой Петровича.

Приехав недавно с материка, Нина нашла в Игоре родственную душу и сразу привязалась к нему. Для человека, попавшего в другой мир, земляк становится самым близким человеком. Невольно тянет на откровенные разговоры, поделиться радостью или горем больше не с кем. Во время работы Петровичу особо некогда было разговаривать с Ниной, лишь иногда случалось перекинуться парой фраз.

Однако последнюю вахту вместе с Ниной он запомнил на всю жизнь. Отстояв ночную смену, он шёл в столовую на завтрак. Девушка стояла на мостках, напротив своего вагончика, и было видно, что она напряжённо кого-то ждёт. Поравнявшись с ней, он остановился, в глазах Нины стояли слёзы.

–Игорь Петрович, мне с вами поговорить надо. Вы отдохните после вахты, а потом вместе сходим к морю, я вам всё расскажу.

–Хорошо, Ниночка, я в час дня буду ждать тебя у китовых позвонков, – пообещал Петрович. Метрах в ста от посёлка, состоящего из десяти вагончиков, стояли выложенные кругом китовые позвонки. Высохшие на солнце и выдубленные ветрами и морозами они были совершенно белого цвета и весили немного тяжелее табурета. Было их штук восемь, и у буровиков это было самым излюбленным местом, где они играли в карты или просто отдыхали в хорошую погоду. Начало октября это самый любимый месяц осени для сахалинцев. Жёлто-красная трава, кусты переспевшего шиповника, множество грибов, стланиковые кедровые шишки, размером чуть больше бутылочной пробки, и изумительная тихая солнечная погода – всё это приносил октябрь.

К половине первого Петрович, сидя на стульчике-позвонке, уже ожидал Нину. Девушка, одетая в пятнистый сарафан и в накинутой на плечи кофточке, лёгким шагом быстро приближалась к месту встречи. Не сговариваясь, они направились на берег моря. Немного не дойдя до полосы прибоя, Петрович снял с себя штормовку и, расстелив на траве, пригласил Нину сесть.

–Игорь Петрович я завтра улетаю в посёлок, а через день возвращаюсь домой. Мама тяжело заболела, телеграмма пришла – утром по рации сообщили. Я ведь у неё одна, – произнесла девушка дрожащим голосом, и две слезинки выкатились у неё из глаз.

–Ну, ничего, сильно не переживай, поправится мама, всё будет хорошо, – попытался успокоить её Игорь. Взяв его за руку, Нина немного успокоилась и, положив голову ему на плечо, стала смотреть в безбрежную даль осеннего моря. Внезапно повернувшись к нему и взяв лицо в ладони, девушка с какой-то безумной страстью осыпала его поцелуями. У Игоря

перехватило дыхание, от волнения пропал дар речи.

– Я тебя люблю, люблю. Хочу, чтобы сегодня ты был моим, я так долго этого хотела. Иди ко мне, – Нина, крепко обняв Игоря, потянула его к себе. Почувствовав рядом с собой молодое, горячее тело, Игорь потерял голову.

– Она же мне в дочери годится, – на секунду мелькнуло в голове, но тут же с лёгкостью отбросил эту мысль, не в силах сопротивляться бешеному порыву страсти. Они, словно дикие звери, ничего не видя и не слыша, вокруг себя, предались безумной любви. Потом долго сидели, обнявшись и думая каждый о своём, молча смотрели, как солнце садилось в море. Поднявшись, девушка сунула в руки Игоря вчетверо сложенную бумажку.

– Здесь мой адрес. Я знаю, ты на следующий год поедешь на родину. Заезжай, буду ждать. А теперь иди, я приду позже, не надо вместе. Поцеловав девушку, Игорь торопливо пошёл в посёлок, стараясь успеть к началу вахты. Всю ночь Петрович работал с каким-то остервенением, не чувствуя усталости. Казалось, будто крылья выросли у него за спиной.

Беспрестанно думал о Нине, о том, что она, молодая девушка, среди многих молодых парней предпочла его, пятидесятидвухлетнего мужчину. Он почувствовал себя молодым – значит, он способен нравиться даже юным девушкам. Чувство гордости за себя как-то незаметно вселилось в его душу.

Утром, когда буровики отдыхали после смены, вертолёт, забрав девушку, улетел в посёлок.

Размышляя о том, какая же встреча будет у них с Ниной, Петрович не заметил, как самолёт сделал круг перед посадкой. Было начало июня, и погода стояла очень тёплая. В аэропорту было жарко и Петрович, сдав багаж с двумя копчёными кетинами и двумя литрами икры, вышел на улицу. До своего рейса на Минводы у него ещё часов двенадцать времени.

Недалеко от площади стояла одноэтажная гостиница и, надеясь на удачу, он решил в неё заглянуть. За стойкой администратора сидела сухопарая девица и с интересом слушала по телевизору выступление Юрия Владимировича Андропова. Ещё не дойдя до неё, Петрович услышал противный режущий слух голос, принадлежащий именно ей:

– Мест нет и не будет.

Петрович зашёл в туалет и, вытащив четвертной, положил его в паспорт. Портмоне был пухлым, за три года отпускных Петрович получил семь тысяч рублей, чего с лихвой хватило бы на новые «жигули». Жадным он никогда не был и иной раз любил шиканутъ. Пачку троек на мелкие расходы положил в задний карман брюк. Подойдя к стойке, протянул паспорт девице. Сделав виновато улыбчивую гримасу, та тихонько пропела:

– Мужчина, подойдите ближе к полуночи, может, кто-нибудь съедет. Петрович, забрав паспорт, вышел на улицу и присел на скамью недалеко от ресторана под названием «Аквариум». Вытащив из кармана пачку «Столичных», он закурил и принялся рассматривать выходивших из ресторана посетителей.

– Мужчина, не угостите даму сигаретой? – перед ним стояла шикарная девушка лет двадцати пяти. Петрович быстрым взглядом осмотрел даму снизу доверху. Туфли на высоком каблуке, стройные ноги, затянутые в крупную клетку чёрными колготками и короткая до неприличия кожаная юбка. На даме была одета блузка белого цвета в мелкую сетку.

Высокая, тяжёлая грудь, казалось, разорвёт сейчас ячейки этой материи. Очень красивое лицо и белые кудрявые волосы ввели Петровича в ступор. Он никогда не видел такой красавицы. Достав сигареты, молча протянул блондинке. Ловко выщелкнув сигарету из пачки и прикурив, девушка присела рядом, закинув ногу на ногу.

Петрович, не в силах оторвать взгляда, смотрел на неё, не моргая и, казалось, совсем не дыша. Господи, ну почему одним всё, а другим ничего? – подумал он, вспомнив жену Галину, которая сейчас была под центнер весом. В молодости была постройнее, а сейчас расползлась, раскоровилась. Отец Игоря всегда любил повторять: «Девки все хорошие, откуда только бабы берутся?»

Покурив, девушка спросила: – Что, наверное, мест в гостинице нет? И отдохнуть негде? Петрович молча кивнул головой, боясь своим голосом спугнуть чудо. Он не хотел, чтобы исчезло это видение.

– Есть предложение, дом у меня большой, родители уехали, и мы с подругой ночуем сегодня одни. Если не боитесь, то поехали. Заплатите мне как за гостиницу, деньги очень нужны. Возьмёте в магазине немного вина, посидим вечером.

– Ну, как, согласны? Да кстати, как вас зовут? Меня зовут Эля. Игорь представился. Он понял, что поедет за девушкой хоть куда. Слово «боитесь» сыграло на его самолюбии. Физически он чувствовал себя прекрасно, в молодости занимался немного боксом и борьбой, так что, при случае мог постоять за себя. Поднявшись, они пошли на троллейбус.

Минут через сорок, зашли в гастроном, где Петрович взял две бутылки вина и бутылку водки. На закуску прихватил кусок ветчины и полкило российского сыра. Петрович вино не пил совсем, на Сахалине среди мужиков это не приветствовалось. По приезду с вахты в холодильнике всегда должны стоять две бутылки водки. В советское время это был неписаный закон среди нефтяников.

Следуя традициям, по молодости он частенько выпивал, однако с возрастом желание почти исчезло. Сев в трамвай и проехав две или три остановки, Петрович с Элей вышли в частном секторе. На улице уже начинало темнеть. Взяв мужчину под руку, девушка повела Петровича по улице мимо тёмных и высоких заборов. Минут через десять они подошли к большому кирпичному дому.

За огромными железными воротами залаяла собака. Открыв калитку, они вошли во двор. Выложенная бирюзовой плиткой дорожка, ведущая к дверям веранды, кованая ограда, за которой распустили свои шапки белоснежные и ярко-красные пионы, приятно поразили Петровича своей красотой. В вольере, опёршись передними лапами на сетку, стояла огромная и очень лохматая кавказская овчарка.

Войдя в дом, Петрович изумился богатству и изысканности обстановки. С потолка свисала внушительных размеров хрустальная люстра, старинная (явно не советская) мебель, кожаный диван с двумя креслами-качалками, двухметровое зеркало, обрамлённое красным деревом с причудливой резьбой, и стоящий в центре гостиной большой дубовый стол, покрытый красным бархатом. В доме явно поработал отличный дизайнер.

Разувшись, Эля провела Петровича на кухню. Выложив содержимое авоськи на стол, он пошёл мыть руки. Зазвонил телефон, и девушка, взяв трубку, выслушав собеседника на том конце провода, коротко сказала:

– Хорошо, мы подождём.

Она объяснила Петровичу, что звонила подруга, сообщила о своей задержке и вынуждена немного задержаться.

– Игорь Петрович, я пойду быстро переоденусь, а вы пока приготовьте стол. Игорь аккуратно нарезал ветчину с сыром и, разложив на блюдце, открыл бутылку вина. Затем, взяв два фужера, секунду подумал и откупорил бутылку с водкой. Эля впорхнула на кухню, на ходу застёгивая лёгкий полупрозрачный халатик. Было видно, что она только что приняла душ.

Под халатом отчётливо проглядывалось голое стройное тело девушки. Под ложечкой у Петровича что-то сладко заныло, сердце учащённо забилось. Разлили, выпили за знакомство и сразу стали как-то ближе друг к другу.

– Игорь, а не хочешь ли в душ сходить? Иди, ополоснись с дороги, легче будет. Девушка многообещающе улыбнулась, и верхняя пуговица халата, нечаянно расстегнувшись на мгновение, обнажила роскошную половину груди.

Петрович с явной неохотой последовал за Элей по коридору, где она рукой показала на дверь в ванную комнату. Открыв дверь, он оказался в небольшой раздевалке. Повесив костюм на вешалку, он, взяв с собой полотенце, в одних трусах зашёл в ванную. Наскоро ополоснувшись, Петрович шагнул за дверь и лицом к лицу столкнулся с двумя парнями. Перед ним стояли два здоровенных амбалакачка. Они, поигрывая бицепсами, оценивающе смотрели на Петровича. Один из качков, не сводя с Игоря глаз, произнёс:

– Пошли за нами. Не вздумай дёрнуться, поломаем. Петрович, видя, кто перед ним, и трезво оценив обстановку, понял, что лучше всё делать так, как они хотят. На вешалке висела одна рубаха – костюма не было. «Вот влип так влип, хоть бы живым выпустили», – подумал Петрович и, следуя за парнями, вошёл в гостиную.

Закурив сигарету, Эля сидела в кресле и, словно посторонний человек, демонстративно пускала колечки дыма. Не было на ней того прозрачного халатика – дама сидела в чёрном вечернем платье. На спинке стула висел костюм Петровича, на столе лежали документы и деньги. «Вот ведь оно как бывает – раздели, разули, и «приобули» любителя острых ощущений», – метнулась мыслишка в голове незадачливого визитера.

– Ну, что, Игорь Петрович, на сладенькое потянуло? Пожилой человек, и туда же. Дома-то, навер-

ное, семья? – с явной издевкой заговорил один из качков, рассматривая паспорт Петровича. – На тебя налагается штраф, в размере той суммы, что у тебя в бумажнике. В следующий раз умнее будешь, или ты против?

Петрович открыл, было, рот, чтобы заговорить, но тут же, получив страшный удар в солнечное сплетение, задохнулся от боли.

– Сейчас мы тебя отвезём в аэропорт, а завтра утром тебе отдадут документы. Одевайся! – с этими словами парень бросил Петровичу брюки. Замешкавшись, Игорь не смог их поймать, и из заднего кармана веером рассыпалась пачка трёшек.

Нагнувшись, чтобы собрать деньги, Петрович услышал: – Батя, не стоит себя утруждать. Мы сами соберём.

Одевшись, они втроём пошли к выходу. Догнав их у калитки, девушка, пряча глаза, незаметно сунула Петровичу в карман пиджака несколько трёхрублёвых купюр.

За воротами, тихо урча двигателем, стояла машина. Завязав Петровичу глаза и посадив на заднее сидение, водитель резко рванул с места. «Ухнули мои денежки псу под хвост, отпуск и Минводы теперь накрылись медным тазом» – сокрушался стиснутый по бокам добрыми молодцами пленник. «Четко отлажен у них бизнес...»

Покатав с полчаса своего пассажира по городу, парни высадили его в километре от аэропорта, указав ему направление. Один из них, более словоохотливый, и, похоже, верующий, на прощание наказал: – В милицию не обращайся, адрес твой знаем, найдём хоть где. Подумай. И хорошо, что ты с Сахалина, повезло тебе... Служил я там и сахалинцев уважаю. Я понимаю, запретный плод всегда сладок, но тут тебе облом вышел, Петрович. Так что иди и не греши больше. А про нас забудь. От радости, что остался жив, Петрович почти бегом рванул в сторону аэропорта. Темная ночь в незнакомом городе больше не пугала его. Поднявшись на второй этаж, он нашёл свободное место на диване, и сел, полностью обессилевший.

Петровича все еще потряхивало – поднялось давление от пережитого стресса. Немного успокоившись, он уснул. Разбудил его голос диспетчера:

– Снитко Игорь Петрович, подойдите к справочному бюро. Сунув голову в окошко справочного, он увидел, что женщина держит в руках его паспорт. Сверив фотографию с оригиналом, она произнесла: – Что же вы мужчина, документы теряете? Аккуратнее надо быть...

В паспорте лежал билет до Минвод. Был восьмой час утра, и Петрович пошёл сдавать авиабилет в кассу. Чуть позднее, он уже стоял в очереди за билетом на Сахалин – благо в летнее время есть свободные места на самолёт. Забрав багаж, Петрович пошёл на регистрацию. Уже через час он сидел в салоне самолёта, летящего в город Оха.

На душе стало спокойно, и Петрович, развалившись в кресле, обдумывал версию потери своих денег. – Надо было Галю подождать, вместе бы улетели, и деньги не пропали бы. И что же я, дурак, наделал, раскатал губищи,

свежанинки захотелось. Нашёлся ещё один ловелас, сиди дома и довольствуйся тем, что у тебя есть! Никогда больше даже не взгляну на сторону.

Есть у меня Галина, я люблю её и ни на кого не променяю. Петрович закрыл глаза и сквозь дрёму ясно услышал слова одного из парней – «Иди и не греши, иди и не греши». Быстро сокращая расстояние, с ровным гудением турбин самолёт приближался к острову Сахалин.

НЕ ПАРА

Колька Рыбин стоял в кассе за получкой. Народу было немного, но никто не хотел ждать, у каждого на этот вечер свои планы. Мужики стояли небольшим табунком и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, посматривали в сторону магазина. Вот-вот должны подойти первые гонцы.

Магазин был совсем рядом, и с обратной его стороны уже начинал толпиться народ. Несколько кленовых деревьев, дающих тень, и огромные горы разбитых ящиков были излюбленным местом для местного контингента, любившего выпить. Колька не участвовал в этих попойках, всегда в день получки брал водки и шёл домой. Жена Валентина ожидала его к ужину.

Бог не дал им счастья иметь своих детей. Сколько Валя ни ходила по врачам, ни ездила по бабкам-повитухам, результат был один. Прожив вместе больше десяти лет, они так и не нажили ребёнка. Вердикт врачей гласил – женщина бесплодна. Широкоплечая, высокого роста, она выделялась даже из мужиков. Костистые большие руки и по-мужски крутой подбородок, выдавали в ней женщину, от которой исходит не только внутренняя сила. Родом она была из семьи староверов, что жили на окраине села. Родители умерли, едва Валя закончила десятилетку и, оставшись одна, она готова была выйти замуж за первого встречного.

Им-то и оказался Колька Рыбин, в то время пришедший из армии и щеголявший по деревне в тельняшке и широченных клешах. Морячок девушке понравился сразу, хотя и был небольшого роста, но выглядел очень прилично. До блеска начищенный ремень, бескозырка, чудом державшаяся на круглом затылке и красивое лицо с голубыми глазами – явно произвели на девушку впечатление.

Ещё никогда не ходившая на свидания, на предложение морячка прогуляться до речки, охотно согласилась. Колька же, не державший девушку даже за руку и ещё не познавший женщину, сразу потерял голову. Он без передышки сыпал словами, хвастался армейскими подвигами и неотрывно смотрел в большие серые глаза Валентины. Ближе к вечеру Колька так распалился, что сделал ей предложение. Девушка, скромно помолчав, кивнула головой.

Едва проводив Валентину до калитки, Колька стремглав бросился домой. Радостный и окрылённый своей удачей, он с порога заявил родителям, что женится. Они приняли это сообщение весьма настороженно. Отец молчал, говорила лишь мать: – Сынок, она же из староверов, из кержацкой

семьи, не будет тебе с ней счастья. Не пара она тебе, ох, не пара! Да ты погляди на неё, она же как статуя, на целую голову выше тебя...

– Ну и что, мышь копны не боится. Нравится она мне и всё! – как отрезал сын. – Жить-то где будете? – подал голос отец. – У нас-то, сам видишь, кухня да комната. Нешто в летнике? Подумав, Колька сообразил: – Так ведь у неё дом-то пустой, без хозяина. Перейду к ней, и вам свободней будет. Пойду на трактор работать, вам же легче, где дрова привезти, где картохи с поля. Ох, и заживём, батя!

На следующий день Колька перетащил к Валентине чемодан со своим нехитрым скарбом. Для молодых началась новая неизведанная, но счастливая жизнь. В миру и согласии прожили они пять лет, и ни разу между ними не пробежала чёрная кошка раздора. Развели скотину, растили поросят, куры и гуси тоже были большим подспорьем в хозяйстве.

И всё бы хорошо, но мысли о ребёнке всё чаще не давали им покоя. Сторонние люди тоже начинали злословить. Бабы в деревне за глаза называли Валентину пустышкой. Поначалу она говорила, что всё у неё впереди, но со временем стала часто в себе замыкаться. Всё чаще и чаще, придя с работы домой, Николай видел заплаканные глаза Валентины.

Успокаивал, как мог, но, в конце концов, начал выпивать. Напившись, плакал как ребёнок, проклиная всех и вся, по-страшному ругался матом. Однажды ударил жену по лицу. Тихо заскулив, зажав разбитую губу рукой, Валентина ушла в спальню. Отец её тоже иногда поколачивал мать.

Стоя на коленях перед иконой, та шептала как молитву: – Прости его Господи, не со зла он... Бьёт, значит – любит. Да убоится жена мужа своего... Так и повелось с тех пор: напившись, Колька бил жену, и это вошло уже в привычку. Не единожды было, что Колька спьяну не мог дотянуться до лица Валентины и лишь вскользь задевал по подбородку – рост не позволял.

Тогда он, скрипя зубами от негодования, вскарабкивался на табуретку, и, чувствуя себя на высоте, словно коршун перед цыплёнком – нещадно наносил удары. Голова Валентины моталась из стороны в сторону. Всхлипывая и закрыв лицо руками, жена беспрекословно сносила побои от домашнего деспота до тех пор, пока обессилевший муженёк не сваливался со своего пьедестала.

Изрядно вымотавшись, словно после утомительной тренировки, Колька тут же засыпал на полу. Закрыв синяки платком, Валентина молча уходила на работу. Бывало, что за день она не проронила и словечка. На бабские расспросы не отвечала, а просто уходила прочь. Получив зарплату, Николай рванул в сельмаг. Сегодня он не спешил домой – у напарника Витьки, с которым уже несколько лет работали вместе, наконец-то, родился сын.

Колька был искренне рад за Витьку – четверо девчонок, мал мала меньше и вот долгожданный пацан. Чувство зависти появлялось в нём всякий раз, когда он слышал детские голоса и смех, раздающийся на улице, увидев счастливые лица молодых родителей, катящих коляску с маленьким живым существом.

Взяв две бутылки водки, Колька заспешил к своему корешу. На ящиках, расставленных полукру-

гом, уже сидели завсегдатаи. Как всегда, среди них были и братья Гусевы. Опустошившись, стакан быстро шёл по кругу. Народ начинал гулять. В ту пору в деревне верховодили или, как говорят уголовники – держали мазу, два брата близнеца Гусевы, Генка и Васька.

Оба, не успевшие закончить среднюю школу, но неоднократно побывавшие на зоне, они были настоящим чирьем-нарывом на теле этой небольшой деревни. Драки, кражи и любые хулиганские выходки редко обходились без их участия. Сельчане жаловались, писали на них заявления, но проку было мало. Увезут в райцентр, отсидят они там суток по десять и опять берутся за свое...

Лет по тридцати с гаком, физически крепкие, оба выше среднего роста, братья были абсолютными фаворитами – верховодили среди местной шпаны. Числу наколок на их телах могла бы позавидовать даже государственная картинная галерея Эрмитажа.

Между магазином и кучкой мужиков, сидящих на ящиках, блестела лужа, оставшаяся после вчерашнего дождя. Не желая её обходить, Колька решил срезать путь. Оттолкнувшись, он прыгнул через неё. Надо же, случилась такая напасть – каблук сапога попал в самую жижу. Под ногой чавкнуло и струя грязи, вырвавшись наружу, со свистом прилетела Генке прямо между глаз. Повисла напряжённая тишина, разговор резко оборвался.

Обернувшись назад, Колька виновато улыбнулся.

– Ты чё сделал, сука? Порву как свинья фуфайку! – заревел Васька, засучивая рукава. Генка молча умывался в луже.

– Мужики, я не хотел. Изви... – не успел договорить Колька. Ударом в подбородок он был брошен наземь. Встав на четвереньки, попытался встать, но, получив пинком по рёбрам, решил оставить эту затею. В дело включился Генка. Били жестоко, с чувством и расстановкой. Кто-то из мужиков попытался вмешаться, но, получив пару оплеух, быстро ретировался.

Свернувшись по-детски калачиком, закрыв голову руками, Колька тихо постанывал. Закончив своё неприглядное дело, братья посадили Кольку на ящик, и, вытащив из его карманов водку, тут же продолжили дармовое веселье. День задался на славу. Всё это избиение видела Колькина соседка Дашка, девчонка лет девяти, жившая в доме напротив. Спрятавшись за магазином и боявшаяся выйти раньше времени, теперь она опрометью бросилась к своему дому.

Забежав во двор к соседям, Дашка, размазывая по лицу слёзы, истошно завопила: – Тетя Валя, там на дядю Колю напали, избили.

Девчушка в подробностях рассказала Валентине о том, что видела. Наспех надёрнув галоши, женщина решительным шагом направилась в сторону магазина.

Колька лежал на земле, лицо сплошь было залито кровью, из носа сочилась юшка. Изрядно охмелевшие братья, стоя рядом, о чём-то громко спорили. Увидев женщину, Васька процедил сквозь зубы: – Курица твоя пришла. Сейчас рёву будет на всю деревню...

Подойдя вплотную, Валентина резко дёрнула Ваську за левую руку и, развернув к себе спиной, со всей мочи ударила кулаком между лопаток. Почти не касаясь земли ногами, словно гусак перед взлётом, Василий, обращённый в

неуправляемый снаряд, торпедой врезался в огромную кучу ящиков. Раздался треск ломающегося дерева. Из разваленной наполовину кучи торчали по колено ноги с разорванной штаниной. Васьки не было видно совсем.

От увиденного Генка потерял дар речи. Затем, придя в себя, двинулся на Валентину. Однако, увидев её побледневшее лицо и глаза полные гнева, на миг оторопел. Этого мгновения хватило на то, чтобы зажатый за спиной мощный кулак, врезался Генке в скулу. Как-то по-свинячьи утробно хрюкнув, Генка свалился на землю вниз лицом – словно боксёр в глухом нокауте.

Закинув мужа на плечо, словно мешок с картошкой, Валентина пошла домой. Проснувшись утром, Колька кое-как встал с кровати и пошёл умываться. Лицо было распухшее, в волосах запеклась кровь, и очень болели рёбра. Валентина была на работе. Николай с трудом проглотил пару холодных пельменей, стоящих в тарелке на столе, и осторожно присел на табуретку. Он вспомнил весь вчерашний день. Достал из холодильника полбутылки водки и залпом выпил.

Чувство стыда охватило его, ком подкатил к горлу и он, уронив голову на стол, заплакал навзрыд. Сколько же времени терпела Валя его бесконечные побои и унижения. Могла бы сразу всё прекратить. Надо было молиться на неё, а он – дурак, с кулаками все лез... Николай встал, собрал кое-что из своих пожитков, и насовсем ушёл к матери.

Придя с работы, Валентина не застала мужа дома. Лишь на столе лежала короткая записка. «Прости меня за всё, что ты от меня вынесла. Виноват я перед тобой пожизненно, и нет мне прощения даже перед Богом. Не ищи меня, я не вернусь. Твой бывший муж, Николай».

Так и не вернулся Колька к Валентине, сколько она ни обивала пороги у дома его матери. Николай, порой таясь за простенком, украдкой поглядывал на неё в окно. В груди его щемило. Видно, слишком большое было чувство вины перед этой женщиной.

Ну, а спустя какое-то время, к большому изумлению односельчан, Валя сошлась с Генкой Гусевым. После того случая Геннадия как подменили, бросил пить, устроился на работу – в общем, стал нормальным человеком. Что стало причиной этого, можно только догадываться. Ещё через год Валентина родила двух сыновей, прекрасных и здоровеньких близняшек.

СХВАТКА В ТАЙГЕ

Заглушив трактор, Михайлович встал на гусянку, расправил затёкшую спину и с хрустом потянулся. Второй день он выкорчёвывал пни, делая планировку для площадки. Валил листвяк и другие деревья, попадавшие под нож бульдозера, лишь только для того, чтобы сделать ровное место для загрузки грунта. После снятия дёрна будут грузить эту землю содержащую золото.

Как говорили геологи, именно здесь, в этом месте очень большой процент выхода к поверхности самого благородного металла. Начальники партий негласно договорились о вывозе этой смеси.

Было начало девяностых годов, и тогда всё решали деньги. Из чужой тайги Кузбасса вывозили золотоносный грунт на землю Алтая.

Недалеко от города Бийска стояла геологическая партия, где в камералке (цех по отделению и очистке золота из грунта) работали люди, прихватывая даже ночные смены. Таких площадок в тайге Кузбасса в то время было много. Деньги платили хорошие, народ шёл на риск. Множество людей в камуфляжах с автоматами надежно охраняли тайгу от любителей легкой наживы.

Михайлович был родом из села Алтайское, что находится недалеко от города-курорта Белокуриха. Ещё по молодости, выучившись на бульдозериста, он полюбил работу вахтовым методом. Помотался изрядно: объездил Севера, а сейчас подвернулся случай быть поближе к дому, да и надоело месяцами не видеть родных. Сын этой осенью с армии придёт, а он толком-то его и не знает – в свои сорок пять, две третьих семейной жизни он не был дома. Время шло к обеду, и Михайлович, выйдя на дорогу, проутюженную его же трактором, двинулся в сторону вагончиков. Стан их состоял из трёх вагонов – один – жилой, столовая и в третьем находилась рация, где на связи постоянно находился геолог. По обочинам, грудой были навалены пни и коряги, а за ними, на смену багульнику, цвели первые весенние цветы – подснежники и медуница. Был месяц май, тайга наливалась свежестью и новыми запахами разнотравья, возбуждающе действуя на всех обитателей лесного царства. Проснулось зверьё, уставшее от зимней спячки, защебетали синицы, шмели и пчёлы жужжали, собирая первый нектар.

Вокруг стана была непролазная грязь. Бесформенные горы изжеванной, громоздящейся вперемешку с корой и землей щепы, поверженного в прах мелколесья, обрывки лопнувшего троса дополняли картину и приводили в уныние. Следы тракторных гусениц и колёс сплошь избороздили, искромсали небольшой участок рядом с бытовками-вагончиками.

Недавний дождь внес свою лепту в этот столь неприглядный пейзаж. Помыв сапоги в железном корыте, Михайлович шагнул в столовую. Хозяйничала у плиты толстозадая девка, лет двадцати пяти. Крупное лицо с заплывшими глазками, говорило о том, что она отнюдь не чурается лишний раз выпить. Раскатанные сапоги–болотники и засученные рукава совсем не соответствовали её профессии повара.

Три дня назад она отчебучила номер, слухи о котором ушли далеко за пределы лагеря. Выйдя из-за кухонной перегородки, она с хрипотцой сообщила всем находящимся в столовой: – Мужики, мне некогда, я поехала в деревню. Не оголодаете. Ужин на плите, макароны с тушёнкой – накладывайте сами. Утром приеду.

Покачнувшись, девица нетвёрдой походкой вышла из столовой, где её ожидал водитель попутного лесовоза. Накладывая макароны из кастрюли, мужики удивились столь странному сочетанию продуктов для этого блюда. На дне кастрюли лежали неоткрытые банки с тушёнкой, сплошь покрытые солидолом. Был шум, скандал, но всё закончилось довольно просто.

Вызванный по рации начальник партии только и сказал: – Терпите мужики, всё равно замены ей нет. Получив рыбный суп из кильки в томате и пшена, который уже неделю был в меню, Михайлович взял ложку, и с неохотой приступил к трапезе. В столовую влетел Валерка-экскаваторщик, руки по локти были чёрными от масла и мазута.

– Ты бы хоть руки вымыл, как жрать-то будешь? – проворчала (опрятная) повариха, подавая Валерке тарелку с супом.

– Пустяки, это же техническая грязь, она на здоровье не влияет и, приняв первое из её рук, уселся напротив Михайловича. На тарелке и на куске хлеба остались чёрные следы. – Ну, как дела, Михалыч? Много тебе ещё ковырять? Я свой ЮМЗ отремонтировал.

– Завтра, наверное, начнём грузить. Что скажешь Саня? – с этими словами он посмотрел в глаза Михалычу, а потом перевёл взгляд в его тарелку. Михалыча покоробило. Стоило кому-нибудь взглянуть на то, как он ест, или нечаянно посмотреть в его тарелку – у того разом пропадал аппетит. Обедая, сидел всегда обособленно, в сторонке, один, и знающие его причуду люди не докучали. Валерка этого не знал и с удивлением увидел, как рука Михалыча затряслась, а затем и совсем ложка упала на стол.

– Саня, ты чо это? – оторопел он.

– Да пошли вы все!.. Пожрать не дадите – взбешенно закричал Михалыч, и загнув отборным матом, пулей выскочил из столовой. Голодный и злой на весь свет он сел на лавочку и жадно закурил папиросу.

К нему, чавкая сапогами, по грязи подошли двое вальщиков, разговорились.

– Хочу в деревню сходить, может кусок мяса куплю или курицу.

– Далеко ли идти?

– Километров пять будет. Есть тропинка одна, так по ней в два раза короче. Правда, мы в той стороне недавно медведя слышали.

– Не боишься? – один из вальщиков лукаво ухмыльнулся в бороду.

– Да нет, у меня ружьишко есть, если что, вверх пальну. Тут в низине выстрелы хорошо слышно. – Ты лучше бы кого-нибудь в напарники взял, вдвоём-то будет веселей...

– Ничего, один схожу, может, косач или глухарь где встренется... Михалыч встал и направился в сторону своего трактора. Под капотом у него была спрятана старенькая одностволка шестнадцатого калибра, плюс к ней ещё четыре патрона, заряженных крупной дробью.

Повесив ружьё на плечо, Михалыч двинулся узкой тропинкой по направлению к деревне. Высокая прошлогодняя трава доходила ему почти до плеч. Стеной из неё вылетали полчища комаров, занудливый писк которых, казалось, облаком закрыл голову Михалыча. – Надо было Дэты взять, – подумал он и прибавил шагу, надеясь, что гнус от него немного отстанет.

Прямо перед небольшим холмом, он наткнулся на водяную преграду – речушка в три метра шириной катила свою холодную и прозрачную воду вглубь тайги. Михалыч попил ледяной воды и краем глаза успел заметить, как пара хариусов метнулась за небольшой валун, лежавший на

середине речки. Стайка пескарей, совершенно не опасаясь, стояла небольшим косячком и грелась на мелководье. Перейдя речку, Михалыч решил с разбегу выскочить на горку. В несколько крупных шагов он одолел подъём и вылетел на небольшую поляну.

Над его головой раздался страшный рёв. Кровь застыла в жилах от этого леденящего душу ужасного звука. Прямо перед ним стояла на задних лапах огромная бурая медведица. Шерсть клочьями свисала с неё. Грязно-бурого цвета, местами желтоватая с сединой шкура, говорила о её возрасте – медведица была очень старая. В траве рядом с ней сидел испугавшийся медвежонок.

Он был ростиком, как маленькая собачка, глазки его, как две чёрные смородинки, неотрывно следили за матерью. Ружьё висело на плече, и Михалыч, не отрывая взгляда от зрачков хищника, очень медленно опуская правую руку, щелкнул курком, взведя его. Звук металла обрушил мир: медведица дёрнулась и со всей силой нанесла ему удар правой лапой.

Когти, казалось, только чуть коснулись левого бока Михалыча. Он словно пушинка отлетел в сторону, со всего маха ударившись спиной и головой о ствол толстой лиственницы. На какой-то миг потерял сознание, однако, сразу придя в себя, подтянул за ремень ружьё. Медведица снова пошла в наступление. Одним прыжком достигнув своей жертвы, она ударила лапой по его левой ноге выше колена.

Михалыч видел, как кусок мяса, чудом державшийся на коже, свесился на землю. Обильно потекла кровь, заливая ему штанину. Зверь, наклонив голову над человеком, яростно зарычал. Этот рык победы над своей жертвой, был слышен не на одну сотню метров. Михалыч видел страшную, огромную пасть зверя, на половину сточеные клыки желтого цвета и тяжелый невыносимый запах идущий из утробы своей убийцы.

Голова медведицы склонялась всё ниже и ниже. Человек понял, она хочет просто прокусить ему череп. Почти теряя сознание, он рывком правой руки вертикально поставил ружьё. Зверь не увидел этого движения, так как голова её находилась выше головы Михалыча. Ружьё упёрлось в горло медведицы, и в этот момент грохнул выстрел.

Встав на задние лапы, она попыталась передними дотянуться до своего горла. Вместо рёва, кровь пополам с воздухом, фонтаном била из рваной дыры. Постояв немного, медведица начала слабеть, и замертво свалилась на человека. Голова её упала прямо на грудь Михалыча, и кровь зверя смешалась с его кровью.

Слабея, из последних сил, превозмогая боль, он с трудом вылез из-под зверя. Трижды зарядив ружьё, выстрелил в воздух. Затянул ремнём почти оторванный на ноге кусок мяса, а на левом боку рукавами от рубахи перевязал на себе кровоточащую рану. Прислонившись к дереву спиной, хотел закурить, но потерял сознание. Нашли Михалыча через два часа.

Один из вальщиков всё-таки услышал выстрелы. Забрали и медвежонка, который, свернувшись комочком, скулил возле убитой матери. Михалыч полтора месяца пролежал в больнице – связки были порваны на ноге и сломаны два ребра на левом боку чуть пониже сердца.